

УДК 94(497.1)"1939/45"

**НЕСЕРБСКИЕ ПОВСТАНЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ
ЮГОСЛАВИИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Тимофеев А. Ю.

*Институт новейшей истории Сербии (Белград),
Белградского университета
Белград, Республика Сербия
E-mail: al.timofev@gmail.com*

На основании архивных документов и историографии в статье рассмотрен генезис, значение и численность повстанческих групп на территории несербских районов послевоенной Югославии. Эти группы имели как общие черты (ориентация на Запад, надежды на превращение холодной войны в горячую фазу, ненависть к коммунистам и к центральным властям Югославии), так и значительные отличия. В деятельности словенских повстанцев доминировало влияние заграничных резидентур, находившихся на территории Австрии. В деятельности хорватских повстанцев, самых сплоченных и организованных, главной была опора на структуры католической церкви, широкая поддержка среди клира и мирян, близких к церкви. Албанские повстанцы опирались на поддержку населения и отдельных структур приграничных районов югославо-албанского пограничья. Македонские и славяно-мусульманские группы не могли рассчитывать в послевоенный период на поддержку своих традиционных покровителей из-за рубежа (для первых это была Болгария, для вторых Турция), что сделало их выступления малозаметными. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. к повстанцам присоединились отдельные группы тех, кто поддержал Резолюцию Информбюро и Сталина. Впрочем до конца сороковых годов со всеми этими группами повстанцев было покончено, хотя в горах еще несколько лет скрывались последние одиночные мятежники.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Югославия, СССР, холодная война, повстанческое движение, антипартизанские действия, антикоммунизм.

Хотя за время войны часть военнослужащих квислингских и антикоммунистических повстанческих формирований погибли в бою, были арестованы, казнены или бежали за границу, по всей Югославии рассеялось немало представителей «потерпевших поражение сил». По данным титовской военной контрразведки, из Югославии после 1945 г. бежало около 300.000 «ушастей, четников и прочих предателей», а осталось «около 12 000 пособников оккупантов, которые ушли в горы» [21, с. 34]. Согласно первой послевоенной переписи 1948 г., в Югославии проживало 15,77 млн человек. Таким образом, число политических эмигрантов составило около 2 % от оставшегося в стране населения. Сравнения ради напомним, что в СССР соотношение численности эмигрантов к первой послевоенной переписи населения было меньше и составило лишь около 1,5 %.

Почти каждый народ в Югославии внес свой вклад в формирование разношерстной толпы врагов нового государства. Власти, следуя советской модели, использовали термин «банда» для обозначения всех своих поверженных противников

– четников Дражи Михайловича, усташей, словенских домобранов и словенских четников (объединенных под именем словенских «белогвардейцев»), албанских сепаратистов, националистов и мятежников (которых скопом именовали «балистами»), а также малочисленных, но весьма активных членов ВМРО (Внутренняя македонская организация). Немногим лучше было отношение к довоенным буржуазным партиям и движениям. Если они не присоединились к Народному фронту, их ждала лишь маргинализация и во многих случаях репрессивные меры. Новые власти с подозрением относились и к религиозным сообществам, особенно к католической церкви из-за ее откровенных связей с НГХ (Независимое государство Хорватия), сплоченности и закрытости.

Многонациональный характер югославского государства имел следствием не только пестроту повстанцев, но и изначальное преимущество, которым располагали власти. Каждое из повстанческих движений действовало самостоятельно, без сотрудничества или координации с остальными, за исключением редких случаев. Новые югославские власти имели все то, чего не имели остатки потерпевших поражение сил ушедшие в подполье, а именно: четко сформулированную идеологию и стратегию, организованность и разветвленную структуру, органы безопасности и пропаганды.

Единственной централизованной югославской организацией, боровшейся с коммунистами в Югославии в эмиграции и не чуравшейся вооруженных акций, стал Национальный комитет Королевства Югославия (НККЮ) и действовавший при нем Главный разведывательный центр (ГРЦ), расположенный в Зальцбурге. Помощь этим организациям югославских эмигрантов оказывали британская и американская разведка. Штаб-квартира Центрального НККЮ находилась в Лондоне. Представительство Центрального комитета НККЮ имелось и в Италии. В Австрии НККЮ, с разрешения союзников, начал действовать с сентября 1945 г. Его главной задачей стало оказание помощи югославским эмигрантам, оставшимся в Австрии [19]. Король Петр II возглавлял находившийся в Лондоне ЦНККЮ, куда входили политики, лидером которых был Слободан Йованович. Римским ЦНККЮ руководили Живко Топалович из Земледельческой партии, Адам Прибичевич из Самостоятельной демократической партии, Юрай Крневич из Хорватской крестьянской партии и Миха Крек из Словенской народной партии. Зальцбургский НККЮ имел в своем составе девятерых членов, старшим из которых был белградский адвокат Стеван Тривунац – член Главного комитета Радикальной партии.

Послевоенная повстанческая деятельность четников отражена в отечественной историографии. Четники, или Югославская армия в отечестве (ЮАвО) под командованием генерала Дражи Михайловича представляли собой в первые послевоенные дни наиболее многочисленное югославское антикоммунистическое движение, т. к. его деятельность охватывала наиболее обширную территорию, а его лидер, в отличие от прочих политических вождей подпольных движений, не покинул страны [12, с. 287–286]. Драголюб («Дража») Михайлович был окопным офицером Первой мировой войны, блестящим генштабистом межвоенной Югославии, который не бросил свою страну в 1941 г. На завершающем этапе гражданской войны четники понесли тяжелые потери в восточной Боснии и Герцеговине в ходе боев в мае 1945 г.

с ЮА (Югославской армией), как с марта 1945 г. стала называться партизанская НОАЮ. Тогда была практически уничтожена большая часть сил под командованием Дражи Михайловича, которые так и не смогли оправиться от этого поражения и восстановить общую организационную структуру. Самого Дражу Михайловича арестовали и после короткого и достаточно формального судебного процесса убили в 1946 г. После этого организованное сербское движение сопротивления пошло на спад, хотя последние группы четников вылавливали до середины 50-х годов.

Кроме сербских четников в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы.

В Словении объединение антикоммунистических сил состоялось еще в ходе войны – в январе 1945 г., когда различные подразделения сформированного немцами Словенского домобранства, словенской части Югославской армии в отечестве (см. четники), а также выжидавшие конца войны офицеры запаса образовали Словенскую народную армию – СНА (Slovenska narodna vojska). Она стала выполнять функцию вооруженных сил Словенского Народного Комитета, который в начале мая попытался провозгласить народное государство Словению как автономную единицу в составе федеративного Королевства Югославия [19, с. 69]. В этом качестве СНА вместе с прочими преимущественно сербскими квислингскими формированиями – Сербским добровольческим корпусом Димитрия Летича, четниками из Далмации и Лики под командованием Момчило Джуича и Добросава Йевджевича – дали непродолжительный отпор наступающей Югославской армии [11, с. 190–191; 12, с. 280–286]. Поражение, отступление в Австрию и Италию, сдача в плен англоамериканцам и попытка нового прорыва большой группой в Югославию, в ходе которого большую ее часть физически ликвидировали, – все это еще больше обострило их антикоммунистические настроения.

Летом 1945 года при поддержке разведслужб союзников был создан Главный разведывательный центр (ГРЦ), во главе которого с декабря 1945 г. и до лета 1949 г. находился бывший подполковник югославской королевской армии Андрей Глушич. Главный разведывательный центр при НККЮ был основан в лагере для беженцев Санкт-Йохан в Понгау (Австрия). В первое время деятельность ГРЦ сосредоточилась на организации разведывательной сети среди югославских эмигрантов, которые забрасывались бы в страну с целью установления связи с лидером четников Дражей Михайловичем. Разведслужба действовала на австрийско-югославской границе и формально находилась в составе Словенской армии Королевской югославской армии (Словеначка армија Краљевске југословенске војске). До упразднения ГРЦ в 1949 г. его филиалы, называвшиеся Разведывательными центрами (РЦ), действовали в Клагенфурте (РЦ 101 и РЦ 507), в Липнице и Триесте (РЦ 305) и в Горице (РЦ 505). Свои донесения ГРЦ отправлял органу американской военной разведки – Корпусу контрразведки (СИС, Counter Intelligence Corps). Наряду с американским СИС помощь разведывательным центрам оказывали и органы британской военной разведки в лице отделов полевой безопасности (FSS, Field Security Section) [19, с. 108].

Разведчики ГРЦ занимались подготовкой и вербовкой словенцев в Граце, Клагенфурте и Триесте: из их агентов создавались террористические группы, которые организовывали подполье на территории Словении. Эти группы носили

собирательное пропагандистское название Матяжева армия в честь мифологического короля Матяжа, который должен был пробудиться ото сна и освободить словенский народ от притеснителей [19, с. 180]. От лица Матяжевой армии активно велась пропаганда. Прежде всего, пропаганда осуществлялась посредством печатного органа – газеты «Голос Матяжа – вестник словенского антикоммунистического движения» («Matjažev glas – glasilo slovenskega protikomunističnega gibanja») [19, с. 260]. Во время пребывания на территории Словении члены Армии распространяли пропагандистские материалы ЦНККЮ. Регулярное радиовещание ЦНККЮ осуществлялось из Австрии, где действовало несколько пропагандистских станций-однодневок: радиостанции «Равна Гора», «Триглав», «Радио Любляна», «Свобода или смерть», «Единая Словения», «Свободная крестьянская Хорватия», «Радио Сава». Хотя программа Матяжевой армии и была югославистской, она осталась исключительно словенским явлением, о котором в остальной Югославии не слышали. Это, по-видимому, объяснялось как типичной для словенцев во все годы существования Югославии национальной закрытостью, так и слабым воздействием пропаганды Матяжевой армии. Членов Матяжевой армии характеризовал последовательный антикоммунизм. Их деятельность была направлена против носителей и символов новой системы, однако со временем она свелась к банальному грабежу. В отличие от четников и крижаров (крестоносцев) база словенских антикоммунистов располагалась за границей. С территории соседней Австрии они периодически проникали в Югославию, вызывая тем самым многочисленные приграничные инциденты. Вскоре после укрепления режима Тито в Югославии и падения шансов на возрождение некоммунистической Югославии, среди словенских повстанцев также возобладали идеи национализма с полным разочарованием в «югославянстве» как знамени коммунистов [28, CIA-RDP82-00457R002400550001-8.pdf]. Это отражало общие настроения словенцев [28, CIA-RDP82-00457R008300660007-5.pdf].

Забрасываемых из Австрии членов Матяжевой армии и оставшихся по окончании боевых действий непосредственно в Словении многочисленных представителей словенских антикоммунистических и квислингских формирований титовцы скопом называли «белогвардейцами», или «БГ». Эти группы, главным образом, рассчитывали на конфликт между СССР и англо-американцами, который приведет к интервенции и свержению коммунизма в Югославии.

Гораздо более широким размахом отличались хорватские повстанческие группы. Если оценивать антикоммунистические движения в соответствии с общими параметрами – численностью, охватом территорий, уровнем организации и политико-пропагандистской деятельности, а также степенью поддержки населения, то в послевоенной Югославии наибольшим успехом и влиянием пользовались именно хорватские крижары (крестоносцы). За этим названием стояли бывшие представители вооруженных сил НГХ и ее политических структур, в первую очередь усташа. Действовали они в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Кроме названия «крижары», использовались и другие наименования – «шкрипари», «ямари» и «камишари», которые происходили от диалектных названий укрытий, скрывавших

повстанцев. Суть их политической программы отражал лозунг «Все ради Христа – против коммунистов».

В отличие от властей НГХ, которые привлекли на свою сторону мусульманское население БиГ, политико-пропагандистское влияние крижаров на мусульман оставалось ничтожным [20]. Как и прочие противники коммунистического режима, крижары больше всего надеялись на помощь со стороны западных союзников. В 1946 г. властям, как и в случае с четниками, удалось обезглавить организацию крижаров. Однако последние, прежде всего благодаря поддержке католического клира, смогли не только продолжить свою деятельность, но и добиться значительного пропагандистского влияния на хорватское население. Крижары пользовались всеми преимуществами, которые им предоставляла инфраструктура церкви, формировавшаяся на протяжении столетий.

В отличие от четников, крижары активно нападали не только на войска НОАЮ, но и на тыловые части Красной армии и отдельных советских граждан в форме и без нее. Например, донесение ОЗН в Хорватии от 7 апреля 1945 упоминает о деятельности большой группы бандитов в районе Крижница и Загреб, насчитывавшей около 100 человек и носившей название «Легион хорватских мстителей», которая занималась мобилизацией, нападала на партийные и местные органы. В то же время эта группа «организовывала засады и нападала на красноармейские транспорты, убивала солдат и курьеров» [27].

Положение крижаров принципиально отличалось как от четнических групп, которые, как правило, действовали изолированно, не имели связи друг с другом и не обменивались информацией, так и от словенских повстанцев, которые полностью зависели от логистической поддержки из-за границы. В Хорватии церковь обеспечивала крижаров почти всем: начиная с удовлетворения основных бытовых потребностей (предоставление убежища, пищи, одежды...) и заканчивая передачей донесений, тиражированием и распространением пропагандистских материалов, воздействием на паству посредством воскресных проповедей. Поддержка крижаров, лояльность к НГХ, участие в преступлениях в отношении сербов, евреев и цыган, а также прозелитизм и равнодушие к геноциду, совершавшемуся в НГХ, – все перечисленное привело к тому, что значительная часть представителей католической церкви хорватского происхождения подверглась репрессиям со стороны новых властей [5]. Поведение католического клира трактовалось новыми властями как подозрительное и враждебное, граничившее с государственной изменой. Помощь, оказываемая крижарам, была лишь одним из преступлений, за которые католических священников, монахов и монахинь привлекали к суду [5, с. 162]. Под ударом оказалась вся иерархия римско-католической церкви – от сельского ксендза до самого архиепископа. Так, арест и суд над архиепископом Загреба Алоизием Степинацем состоялись в рамках широкой кампании, цель которой состояла в том, чтобы нанести удар по католической церкви и ослабить ее связи с Ватиканом, а обвинительное заключение в важной своей части инкриминировало архиепископу оказание помощи усташско-крижарской группе Шалич-Лисак, а также поддержание связей с Анте Мошковым – начальником личной охраны Анте Павелича (Поглавников тјелесни здруг) [5, с. 203–204]. Степинаца осудили за его враждебность в отношении новых

югославских властей, но обвинялся он, в основном, за связи с усташским режимом во время войны [5, с. 195].

Усташские вожди, которым удалось избежать плена, вскоре собрались в Австрии и Италии, где в 1946 г. под прямым фактическим руководством Анте Павелича начал действовать так называемый Хорватский народный комитет (ХНК), который представлял собой переименованное усташское движение. ХНК, возглавляемый высокопоставленным усташским чиновником Божидаром Кавраном, стал играть роль как представителя усташской политической эмиграции, так и организатора антикоммунистического сопротивления в населенных хорватами областях Югославии [20, с. 45].

Как и словенская антикоммунистическая эмиграция, ХНК сотрудничал с англо-американскими спецслужбами. Уровень и конкретные задачи этой кооперации малоизвестны. Американская разведка в 1946 г. считала крижаров «перспективнее» словенской Матяжевой армии, оценивая их как самое «полезное» направление антикоммунистического подполья в Югославии [28, CIA-RDP83-00415R000100200003-4.pdf].

После того как в 1948 г. разразился конфликт Югославии и Информбюро, стало ясно, что Запад более не станет поддерживать кого-либо, кто преследует цель разрушения югославского государства. Наоборот, он будет содействовать властям титовской Югославии, чтобы попытаться с их помощью дестабилизировать идею и практику коммунизма [20, с. 51]. Тем не менее и после этого и даже после разгрома на территории Югославии хорватские экстремисты продолжили действовать за границей. Начались террористические нападения на югославские дипломатические, культурные и экономические представительства за рубежом, а также отдельные проникновения в страну вооруженных групп и одиночек с целью осуществления диверсионно-террористических актов. Параллельно шла неформальная охота боевиков югославской разведки на лидеров усташей и молодого поколения политической эмиграции за рубежом. Этот процесс продолжался практически до самого конца существования СФРЮ [13, с. 70–76; 25, с. 201–389; 16, с. 42–80].

Албанское население Югославии в большинстве своем проживало на территориях, которые вошли в состав Сербии и Черногории после освободительных войн сербского народа против Османской империи в 1878 и 1912 гг. Албанцы косовского вилайета (нынешняя северо-западная Македония и автономный край Косово и Метохия) со времен Первой Призренской лиги, основанной в 1878 г., выступали против любого усиления сербского влияния на этих территориях. Весь период с 1878 по 1912 год этот район, где чересполосицей проживали сербы и албанцы, был ареной жестокого давления фанатичного мусульманского населения на православных, державшихся из последних сил за земли своих предков. При этом албанцы восставали и против турецкой власти, не желая платить налоги и подчиняться никаким требованиям и ограничениям [10]. В результате Балканских войн территории Македонии, Косово и Метохии вошли в состав Сербии, что вызвало массовое восстание албанцев в 1913 г., подстрекаемых, как и ранее, Австрией. В период между двумя войнами городская и равнинная часть этих территорий была усмирена, но в приграничных и горных районах среди албанского населения имели

место частые случаи бандитизма, который, несомненно, имел политические корни. Албанские повстанцы, т.н. «качаки», с большей или меньшей долей сознательности ориентировались на проект государственного объединения всех балканских земель, населенных албанцами [9, с. 230]. В годы Второй мировой войны итальянская, а затем и немецкая оккупация принесли объединение в рамках этого шовинистического проекта большинства районов Косово, западной Македонии и Албании.

В послевоенные годы в тех районах Югославии, где проживало албанское национальное меньшинство, – в Косово и Метохии, в западной Македонии и, в меньшей степени, в Черногории, – действовали албанские антикоммунистические группировки, которым югославская власть присвоила общее название – балисты. Изначально так именовали себя члены албанской организации Бали Комбетар (Bali Kombëtar – Национальный фронт), активность которой приходилась на годы Второй мировой войны. Эта организация появилась в 1942 г. в северной Албании и быстро распространила свою деятельность на территорию Косово и Метохии. Вопреки заявлениям об ориентации на западных союзников, она не чуралась и коллаборационизма. Помощь ей оказывали Италия, а затем и Германия. Носители коммунистической идеологии – народно-освободительные движения (НОД) Албании и Югославии – выступали в роли главных противников Бали Комбетар. Кроме того, планы югославских коммунистов по возрождению Югославии служили основным препятствием для достижения цели балистов – создания Великой Албании. Сотрудничая с итальянцами, а затем и с немцами, балисты предоставляли в их распоряжение людские ресурсы для комплектования вспомогательных формирований, сражавшихся с коммунистами Албании и Югославии [23, с. 441]. В самом Косово и Метохии с 1943 г. действовала и Вторая Призренская лига – организация с великоалбанской программой, связывавшая дальнейшую судьбу албанского народа со стратегическими планами Берлина. Для немцев сторонники лиги служили ресурсом для пополнения собственных вспомогательных частей и соединений, к которым относились албанское добровольческое территориальное ополчение «вулнетари», добровольческое военно-полицейское формирование «косовский полк» и 21-я дивизия СС «Скендербег» [26]. Многочисленные военнослужащие этих частей остались в Косово и Метохии после отступления Вермахта [3, с. 360–369]. Хотя балистами называли всех албанских мятежников, находившихся на территории КиМ и западной Македонии, члены и сторонники Второй Призренской лиги, по сравнению с Бали Комбетар, представляли собой в Югославии более многочисленное и влиятельное повстанческое движение. В Македонии осенью 1944 г. в боях участвовало от 10 000 до 20 000 балистов, которые предпочли остаться на знакомой для них территории, а не отступить вместе с немцами. Их активность сильнее всего ощущалась в западной Македонии, которая во время Второй мировой войны входила в состав созданной итальянцами Великой Албании. К балистам после войны причислили и албанских наемников из болгарских формирований по борьбе с партизанами – так называемых контрчетников. При этом все перечисленные албанские повстанцы были в первую очередь не антикоммунистами, а противниками усиления сербской, югославской и вообще любой славянской власти и таким образом наследниками качаков –

основоположников албанской повстанческой традиции, уходящей корнями в эпоху османского правления. Их всех объединяла великоалбанская программа [2].

В первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) доминировали ориентированные на западные страны вооруженные группы и политические группировки из сторонников Бали Комбетара, Легалитета (монархическое движение сторонников свергнутого албанского короля Ахмеда Зогу [28, CIA-RDP82-00457R000200210007-3.pdf]), к которым примкнули сторонники Второй Призренской лиги и близкой к ней Беса Комбетара, бывшие вулнетары и контрчетники. Присутствие вооруженных групп на местах сопровождалось созданием в населенных пунктах подполья, ответственного за поддержку тех, кто боролся с государством с оружием в руках. Так, в КиМ и западной Македонии действовала Национально-демократическая шиптарская организация (НДШО). Антигосударственная подрывная деятельность ставила целью осуществление переворота в Албании и Югославии, результатом которого стало бы отторжение населенных албанцами областей и их объединение в Великой Албании. В связи с этим большие надежды возлагались на западных союзников, которые, как ожидалось, должны были вот-вот вступить в вооруженный конфликт с СССР [2, с. 93–109].

В ходе завершающего этапа Второй мировой войны на балканском фронте албанское повстанческое движение резко усилилось с осени 1944 г. Наступление Красной армии в Румынии, Болгарии и Сербии привело к неизбежному отводу из Греции немецкой Группы армий «Е». Пути отступления вели через Албанию, Македонию, Косово и Метохию. Албанские союзники немцев, особенно в Косово и Метохии, стояли перед выбором – уйти со своими покровителями или остаться. Многие выбрали последнее. Около 30 000 албанцев, по немецким источникам, обеспечивали беспрепятственное отступление вермахта, решительно сражаясь с наступающими силами НОАЮ и 2-й болгарской армии Отечественного фронта [3, с. 358].

После освобождения Косово и Метохии в ноябре 1944 г. [17, с. 67] перед руководством НОД и НОАЮ встали новые проблемы, которые оказались не по силам партийным и армейским представителям на местах. Многочисленные оставшиеся бойцы различных албанских вооруженных формирований не собирались прекращать сражаться за объединение албанских земель вопреки государственным границам. Как и в 1918–1919 гг., когда на просторах КиМ устанавливалась власть Королевства СХС, в 1944 г. тоже приходилось преодолевать албанскую ирреденту. При этом для поддержки военных усилий следовало максимально использовать местные экономические и людские ресурсы [9]. Количество албанских мятежников увеличивалось день ото дня. Несмотря на плохую координацию, они, во исполнение манифеста ЦК Второй Призренской лиги от 18 октября, подняли в начале декабря 1944 г. восстание «в защиту единства албанских земель». Так называемый Дреницкий мятеж начался 2/3 декабря с нападения на г. Урошевац, власть в котором перешла в руки повстанцев. Лишь несколько дней спустя застигнутым врасплох частям НОАЮ удалось вернуть контроль над городом. В то же время окрестности оставалась в руках повстанцев, которые оттуда совершали нападения на соседние населенные пункты.

Таким образом, в конце декабря 1944 г. армейские части НОАЮ положили конец первой фазе мятежа.

Вторая фаза началась в начале января 1945 г., когда представители Оперативного штаба в КиМ начали переговоры с албанскими старейшинами о мобилизации албанского населения, способного к несению военной службы. Согласно достигнутой договоренности, в распоряжение НОАЮ поступало 5000 албанских новобранцев, которым армейское руководство решилось выдать оружие. Мобилизованных предполагалось отправить на Сремский фронт. Однако 23 января они отказались повиноваться и после безуспешных переговоров переместились в Дреницу, где объединились с местными повстанцами. Уже 25 января 1945 г. повстанцы начали активные наступательные действия. Отсутствие оперативных частей НОАЮ позволило мятежникам, которых насчитывалось около 12 000, распределить свои силы по дреницким селам. Вместо того, чтобы подавить восстание, Оперативный штаб допустил заминку, которая только увеличила размах восстания. Верховному командованию пришлось принять ряд мер, направленных на урегулирование ситуации: переброшенные армейские части НОАЮ сражались с албанскими повстанцами вплоть до конца февраля. В ходе военной операции в КиМ югославская армия понесла серьезные потери. Из 39 000 задействованных бойцов НОАЮ и КНОЮ из строя выбыло 3266: около 650 убитыми, около 1360 ранеными и 1256 пропавшими без вести. Потери противника остались неизвестными, однако предполагается, что они были намного больше, в том числе и среди гражданского населения. Уцелевшие повстанцы перешли к диверсионной деятельности и обычному бандитизму [15, с. 589–600].

В дальнейшем (1948–1950) поведение албанских повстанцев оказалось под влиянием радикальных изменений характера отношений Югославии и прочих стран «народной демократии», наступивших после Резолюции Информбюро (ИБ), в которой Сталин осудил Тито. Уже в годы Второй мировой войны югославские коммунистические партизаны в отдельных случаях возражали против возвращения Косова и Метохии в состав Югославии. В новых условиях албанские мятежники в Косово и Метохии и западной Македонии получили нового союзника в лице лидера Албании Энвера Ходжи. Разумеется, сохранилась великоалбанская идеология повстанческого движения, которое теперь подчинилось пропаганде коммунистической Албании при осуществлении вооруженных, пропагандистских или разведывательных мер, направленных против Югославии. Перед вооруженными группами, забрасывавшимися из коммунистической Албании, стояла задача распространения пропагандистских материалов сепаратистского характера, нападения на представителей власти и установления контактов с местным албанским населением [2, с. 83–88].

Подобный вид албанской антисербской деятельности, адаптировавшийся к переменчивым международным условиям, представлял собой устойчивое явление опоры местного сепаратистского движения на иностранный фактор (от Австро-Венгрии в начале XX века до пропаганды НАТО в конце века). Горные районы приграничья с Албанией остались зоной нестабильности вплоть до кровавого распада югославского государства в 90-е гг.

Наряду с вышеперечисленными националистическими повстанческими группами на территории Югославии находилось еще несколько более мелких групп, которые гораздо реже напоминали о себе. В их числе – члены ВМРО (Внутренней македонской революционной организации), которые, в основном, действовали в восточной Македонии. Впрочем, они являлись рудиментом давно прошедшей эпохи и не могли серьезно повлиять на ситуацию с безопасностью. Несмотря на это, сначала ОЗНА (Отделение защиты народа), а затем УГБ (Управление государственной безопасности), КНОЮ (Корпус народной обороны Югославии) и Народная милиция приложили серьезные усилия к уничтожению этих групп.

Оперативники УГБ выделяли и группу младомусульман, которая, по их словам, во время войны добивалась создания автономной, независимой от НГХ Боснии под покровительством Германии, а после войны, в 1945–1947 гг., тоже предпринимала какие-то попытки создания организации на местах. В связи с этим было арестовано 800 (!) человек. В Мостаре конфисковали архив организации и различные листовки [1, III/35, Бандитизм, с. 14]. Некий Шукрия Аянович, лидер группы повстанцев мусульман из Восточной Боснии, был убит органами югославской государственной безопасности в первой половине 1948 г. [28, CIA-RDP82-00457R002300020008-0.pdf].

Упоминания и данные об этих группах фрагментарны, так как такие группы не имели большого значения. Поэтому доступные автору данного исследования фонды союзного и сербского республиканского управления УГБ, а также материалы центральных органов военной контрразведки, где собраны документы КНОЮ, не сохранили о них обширных сведений.

В первые послевоенные годы в роли главных внутренних врагов югославского коммунистического режима выступали сербские четники и повстанческие группы меньшинств. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. режим Й. Тито перестал восприниматься Западом как угроза и перешел в разряд стран, которые нужно поддерживать. По молчаливому согласию была открыта словенско-австрийская граница, через которую стали активно уходить группы националистов всех мастей. Американская разведка и ее подручные перестали забрасывать подрывные группы на территорию Югославии. Численность повстанцев стала резко сокращаться.

В 1948 г. к ним присоединились те, кто поддержал Резолюцию Информбюро, – люди, с большим уважением относившиеся к Сталину, чем к Тито, которых в Югославии называли «информбюровцы» (сокращенно – ИБ-овцы). Их появление стало результатом кризиса отношений Белграда с первым социалистическим государством. В резолюции ИБ критиковались Тито и его ближайшее окружение, переставшие подчиняться Москве. Неудачные попытки инициировать критикой смену титовского руководства привели к расколу социалистического лагеря, а Тито после недолгих попыток продемонстрировать фиктивную верность коммунистической идеологии поспешил в объятия Вашингтона. Титовская Югославия в 1950–1954 гг. на всех парах двигалась в НАТО, получала западную военную помощь и даже подписала военно-экономический Балканский пакт с представителями НАТО в юго-восточной Европе – с Грецией и Турцией. Среди малочисленных противников курса на разрыв с СССР преобладали сербы как из самой Сербии, так и из Хорватии, Боснии и Черногории, к

которым присоединились отдельные представители других югославянских народов [6]. Открытых противников этой новой югославской политики было сравнительно немного в силу крайней жестокости титовского режима [28, CIA-RDP82-00457R002100050002-5.pdf; CIA-RDP82-00457R002100280001-1.pdf], количество жертв которого в процентном соотношении значительно превышало число жертв политических репрессий в то же время в СССР [6]. Впрочем не только в районах, населенных сербами, но и по всей Югославии проявлялись различные меры недовольства в поддержку Москвы (от листовок до саботажа) [28, CIA-RDP82-00457R002900090010-4.pdf]. Озабоченность югославского партийного руководства вызвал адресованный членам КПЮ призыв Инофмбюро (ИБ) покончить с «турецко-террористическим режимом» внутри КПЮ [18, с. 212; 7, с. 374]. Взволнованная перспективами советской интервенции (которая так никогда и не была запланирована, а не то что осуществлена), титовская верхушка с 1949 г. сама рассматривала возможности перехода к партизанской войне в случае советской оккупации. Агентура ЦРУ в Югославии доносила, что с 1949 югославская армия начала закладывать вооружение, боеприпасы и продовольствие в схроны, обновлять базы, готовить списки подпольщиков, а в 1951 развернула массовую подготовку партизанских кадров для сопротивления советскому вторжению [28, CIA-RDP82-00457R003600290013-1.pdf, CIA-RDP82-00457R002300080008-4.pdf]. Это было отражением общего направления на укрепление и развитие партизанско-территориального компонента ЮНА, который оставался важным элементом структуры обороны страны вплоть до 1991 г. При этом в 1949–1954 гг. «партизанские планы» несомненно были направлены против возможной агрессии СССР. Согласно данным официальной истории территориальной обороны Югославии, уже в середине 1949 г. было сформировано Верховное командование партизанских отрядов Югославии [22, с. 41–45]. Верховным командантом был назначен близкий сотрудник Тито, занимавшийся на заключительном этапе Второй мировой войны «экспортом революции» и «помощью в организации партизанского движения» в Албании и Греции Светозар Вукманович «Темпо», комиссаром – Миалко Годорович «Плави», а начальником штаба – генерал Рудолф Приморац. Были также организованы главные штабы партизанского движения в республиках, штабы партизанского движения в отдельных областях и районах. Были заложены даже схроны с оружием, составлены списки членов отряда, розданы конкретные боевые предписания на случай оккупации. Задачами отрядов были уничтожения мостов, фабрик, железнодорожного полотна, минирование дорог, организация засад, нападения на курьеров и отдельные автомашины [24, с. 78]. Численность проектируемых партизанских отрядов в 1953 году составляла 195, а в 1957 г. уже 227. Впрочем, как точно замечали югославские авторы, речь шла лишь о списках, реальная подготовка ядра этих отрядов в ожидании мнимого нападения СССР все же не проводилась.

Информаторы ЦРУ отмечали даже на территории Словении (не говоря уж о восточной части страны, с традиционно русофильским сербским населением), что эффективность этих мер осложнялась падением авторитета партии в стране [28, CIA-RDP82-00457R002400420003-0.pdf, CIA-RDP83-00415R002300020013-9.pdf]. Часть партийных кадров всерьез восприняла сталинскую критику «клики Тито как агентов

американского империализма» и выражала это активно или пассивно. В то же время среди пассивно антикоммунистически настроенных масс титовский режим в годы конфликта с СССР вызывал лишь ощущение «меньшего зла», а не самостоятельной ценности [28, CIA-RDP82-00457R002900090010-4.pdf]. «Меньшее зло» можно было потерпеть в мирное время ради возможных в будущем изменений (в сторону Запада), но вряд ли стоило уходить в подполье в случае реальной оккупации.

В подполье уходили другие – немногочисленные одиночки, уверенные в правоте «Сталина и международного братства коммунистов». В отличие от мятежников-националистов, мятежники – ИБ-овцы были членами партии, которую они в одинаковой мере представляли как в армии, так и в гражданских структурах. Поначалу они открыто высказывали свое несогласие с политикой югославского руководства. За это их бросали в лагеря и тюрьмы. В результате количество ИБ-овцев, подвергшихся репрессиям, составило около 31 000–32 000 человек, а всего удалось выявить около 60 000 ИБ-овцев. На основе сохранившихся статистических данных можно сделать вывод, что число хорватов, албанцев, венгров и словенцев, осужденных за поддержку Информбюро, было пропорционально меньше их доли в населении Югославии. Обратная ситуация имела место с сербами и черногорцами, пострадавшими из-за своих симпатий к СССР [6, с. 32–40]. В дальнейшем некоторые из них перешли к открытому вооруженному сопротивлению, причем опасность была тем большей, что среди участников этих групп были вчерашние члены партизанского движения, а порой и бывшие сотрудники УГБ и милиции [8]. При этом для ликвидации таких банд приходилось применять центральные части правопорядка, т. к. возникали сомнения в лояльности местных органов правопорядка.

Например, подполковник УГБ С. докладывал 1 октября 1949 г. о деятельности группы коминтерновцев, действовавших в районе Трстеника (Сербия), следующее: «По прибытии на место мы предприняли все меры, чтобы вступить в контакт с бандой. Все то время, что продолжался мятеж, банда находилась на территории района г. Трстеник. Пособничество, в основном, ей оказывали коммунисты всех сел, находящихся на противоположном берегу р. Морава. Блокада территории, предпринятая до нашего прибытия, привела к тому, что банда решила покинуть район, что ей и удалось сделать. Милиция и КНОЮ, осуществлявшие блокаду, ограничились тем, что держали под контролем периферию района, где в отдельных местах были устроены засады. Эти засады все-таки имели какое-то значение, так как на одну из них банда наткнулась. Однако сидевшие в засаде не использовали представившуюся возможность ее ликвидации. Сама блокада в силу своего ограниченного масштаба не могла воспрепятствовать уходу банды... Приходя к крестьянам, бандиты говорили: “Мы не титовцы и не четники, мы боремся за новый социализм без террора”» [1, III/37, Gonjeņje Trsteničke bande 1949, с. 1–5].

Когда репрессиям подверглись сторонники ИБ, имевшие неосторожность первыми озвучить свою позицию, остальные затаились. Они либо продолжили действовать подпольно, либо попытались бежать из страны и присоединиться к своим единомышленникам за границей. Их надлежало выявить и нейтрализовать, чем и занялись УГБ, Служба контрразведки и сама партийная организация. ИБ-овцы, как и прочие «вражеские группировки», попадали под категорию «банды». Некоторые,

пользуясь поддержкой со стороны разведслужб Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, пытались вернуться в страну с целью организованного противодействия югославскому режиму. За отрезок времени с момента принятия Резолюции ИБ до конца 1949 г. из стран ИБ на территорию ФНРЮ проникло 118 разведгрупп: из Венгрии – 59; из Албании – 36; из Болгарии – 21. За это же время на югославскую территорию из соседних государств прибыло большое число беженцев: из Албании – 1387; Болгарии – 885, Венгрии – 1725, и Румынии – 809 [4, Инв. бр. 3718-22, Преглед убачене агентуре из земаља народних демократија после резолуције ИБ]. В течение 1950 г. на албанской границе было задержано 298 человек, которые перешли в Югославию как по экономическим соображениям, так и спасаясь от репрессий со стороны албанских властей. По тем же причинам дезертировало 26 албанских солдат, среди которых, по-видимому, имелись и шпионы. При попытке уйти в Албанию попались 22 человека, которых, как и в случае с остальными восточными странами, именовали «разными информбюровскими элементами» [4, Инв. бр. 3718-23, Анализа илегалних прелазака на границама ФНРЈ у 1950 г., Преглед ухаћених и убијених на границама ФНР Југославије у току 1950 г.]. Осуществлялся заброс новых диверсионных групп и агентов, особенно в секторах Андриевица, Джаковица, Дебар и Струга [4, Инв. бр. 3705-6, Прво одељење Команде граничних јединица Југославије, Оперативни одсек, Историја КНОЈ-а и граничних јединица по оперативној грани за 1950 г. Обезбеђење границе]. С территории Болгарии в период с 1 июля 1948 г. по 1 октября 1952 г. было заброшено 214 «шпионов и диверсантов» [14, с. 228].

Впрочем реальной деятельности по организации «антититовского» партизанского движения на территории Югославии СССР так и не начал. Среди «политических» перебежчиков югославской границы, как и на западных рубежах, доминировали те, кто бежал из титовской Югославии. Банды сторонников Информбюро очень быстро закончили свое существование, как только заработал конвейер Голого острова с одной стороны, а с другой – тайные сторонники СССР в Югославии поняли, что режим Тито не будет свергнут скорой интервенцией Москвы.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Србије. – Ф. БИА (Фонд Безбедносно-информационог агента).
Arkhip Srbije. – F. BIA (Fond Bezbednosno-informacionog agenstva).
2. Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. – Скопје: Мугри 21, 1994. – 279 с.
Batkovski T. Velikoalbanskata igra vo Makedonija. – Skopje: Mugri 21, 1994. – 279 s.
3. Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло, идеје, пракса. – Београд: Војноисторијски институт, 1995. – 570 с.
Borozan Ђ. Velika Albanija. Porijeklo, ideje, praksa. – Beograd: Vojnoistorijski institut, 1995. – 570 s.
4. Војна архива. – ЈНА, Команда КНОЈ и ГЈЈ.
Vojna arkhiva. – JNA, Komanda KNOJ i GJJ.
5. Живојиновић Д. Ватикан, католичка црква и југословенска власт 1941–1958. – Београд: Просвета, Терсит, 1994. – 451 с.
Živojinović D. Vatikan, katolička crkva i jugoslovenska vlast 1941–1958. – Beograd: Prosveta, Tersit, 1994. – 451 s.
6. Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије (приред. Милорадовић Г., Тимофејев А., Јовановић М., Михаиловић Д.). – Београд, 2016. – 527 с.
Zatočenitsi Golog Otoka: registar lica osuđivanih zbog Informbiroa: dokument Uprave državne bezbednosti FNR Jugoslavije (prired. Miloradović G., Timofejev A., Jovanović M., Mikhailović D.). – Beograd, 2016. – 527 s.
7. Југословенско-совјетски односи 1945–1956, Зборник Докумената, МСП Републике Србије и МИП Руске федерације, Београд: Министарство спољних послова, 2010. – 1006 с.
Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1945–1956, Zbornik Dokumenta, MSP Republike Srbije i MIP Ruske federatsije, Beograd: Ministarstvo spoljnih poslova, 2010. – 1006 s.
8. Митровић М. Три документа о ибеовцима. – Београд: ИНИС, 2009. – 285 с.
Mitrović M. Tri dokumenta o ibeovcima. – Beograd: INIS, 2009. – 285 s.
9. Тасић Д. Рат после рата. Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца на Косову и Метохији и у Македонији 1918–1920. – Београд: Утопија, Институт за стратегијска истраживања, 2008. – 498 с.
Tasić D. Rat posle rata. Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca na Kosovu i Metokhiji i u Makedoniji 1918–1920. – Beograd: Utopija, Institut za strategijska istraživanja, 2008. – 498 s.
10. Тимофеев А. Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). – СПб.: Алетейа, 2007. – 223 с.
Timofeev A. Yu. Krest, kinzhal i kniga. Staraya Serbiya v politike Belgrada (1878–1912). – S. Peterburg: Aleteya, 2007. – 223 s.
11. Тимофеев А. Ю. Сербские союзники Гитлера. – Москва: Вече, 2011. – 272 с.
Timofeev A. Yu. Serbskie soyuzniki Gitlera. – Moskva: Veche, 2011. – 272 s.
12. Тимофеев А. Ю. Четники. Королевская армия. – Москва: Вече, 2012. – 246 с.
Timofeev A. Yu. Chetniki. Korolevskaya armiya. – Moskva: Veche, 2012. – 246 s.
13. Булатовић Л., Спасић В. Смрт је њихов занат. Документи усташког терора. – Београд: Политика, 1993. – 108 с.
Bulatović L., Spasić V. Smrt je njihov zanat. Dokumenti ustaškog terora. – Beograd: Politika, 1993. – 108 s.
14. Драгишић П. Југословенско-бугарски односи 1944–1949. – Београд: ИНИС, 2007. – 270 с.
Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi 1944–1949. – Beograd: INIS, 2007. – 270 s.
15. Дрљевић С. Контрареволуција на Косову и Метохији и завођење Војне управе фебруара 1945 // Зборник радова са научног скупа «За победу и слободу». – Књ. 9: Завршне операције за ослобођење Југославије, Учесници говоре, 23. и 24. Април 1985. – Београд: VINС, 1986. – 953 с.
Drljević S. Kontrarevolucija na Kosovu i Metohiji i zavođenje Vojne uprave februara 1945 // Zbornik radova sa naučnog skupa «Za pobjedu i slobodu». – Knj. 9: Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije, Učesnici govore, 23. i 24. April 1985. – Beograd: VINC, 1986. – 953 s.
16. Hockenos P. Homeland Calling: Exile Patriotism & the Balkan Wars. – NY: Cornell University Press, 2003. – 400 p.
17. Јоксимовић С. Ослобођење Косова (октобар-новембар 1944 године) // Војноисторијски гласник. – 1975. – №1.
18. Петрановић В. Историја Југославије. – Књ. III. – Београд: Нолит, 1988. – 492 с.
19. Премак М. Маџајева војска 1945 – 1950. – Лјубљана: Друштво писцев zgodovine NOB Slovenije, 2005. – 300 с.
20. Раделић З. Крижари: Гериле у Хрватској 1945–1950. – Загреб: Хрватски институт за повјест, 2002. – 557 с.

21. Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945 – 1985, Savezni sekretarijat za narodnu odbranu I. – Beograd: VIZ, 1990. – 400 s.
22. Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945-1985, Teritorijalna odbrana. – Beograd VINC, 1986. – 400 s.
23. Vojna enciklopedija, tom 1, Bali Kombetar, Beograd : Redakcija Vojne enciklopedije, 1970 str. 441. – 798 S.
24. Vukmanović Tempo S. Revolucija koja teče. – Knj.1.– Zagreb: Globus, 1971. – 437 S.
25. Vukušić B. Tajni rat UDBE protiv hrvatskog iseljeništva. – Zagreb: Klub hrvatskih povratnika iz iseljeništva, 2002. – 520 S.
26. Zaugg F. Albanische Muslime in der Waffen-SS. Von „Großalbanien“ zur Division „Skanderbeg“. Paderborn: Ferdinand Schoeningh GmbH, 2016. – 346 S.
27. Zbornik dokumenata o obaveštajnoj službi i službi bezbednosti u NOR, januar, februar, mart, april i maj 1945. god. Knj. 18. – Beograd: UDB, 1961. – 600 S.
28. Архив ЦРУ <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/> .

Timofeev Alexey. The Non-Serbian Insurgent Groups in Post-war Yugoslavia: the problem of political gangsterism in Eastern Europe after World War II

On the basis of archival documents and historiography the article considers genesis, significance and the number of insurgent groups in the territory of non-Serb regions of post-war Yugoslavia. These groups had some common features (orientation to the West, hopes for transformation of Cold War into a hot phase, hatred to communists and to the central authorities of Yugoslavia), and considerable differences. The activities of Slovenian insurgents were primarily influenced by foreign intelligence representatives from the territory of Austria. The Croatian insurgents were the most solid and organized force, they relied mainly on the structures of Catholic church and were broadly supported both by the clergy and the laity close to the church. The Albanian insurgents relied on the support of the population and some structures of border regions of the Yugoslavian-Albanian border zone. In the post-war period the Macedonian and Slav-Muslim groups couldn't count on support of the traditional patrons from abroad (correspondingly Bulgaria and Turkey), it made their activity hardly noticeable. After the Yugoslav-Soviet split of 1948, the insurgents were joined by some groups of those who had supported the Resolution of the Information Bureau and Stalin. However, until the end of the 1940s, all these groups of insurgents were liquidated though some solitary rebels were hiding in the mountains for several years more.

Keywords: World War II, Yugoslavia, USSR, Cold War, insurgent movement, anti-guerrilla actions, anticommunism.